

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.50>

Самкова Мария Андреевна

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЗИНФОРМАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Цель статьи заключается в выявлении дезинформации в медиатексте. Научная новизна состоит в применении прагмалингвистического анализа к медиатекстам, содержащим элементы дезинформации, так как они нарушают принцип кооперации. Полученные результаты показали, что при нарушении максим Г. П. Грайса в пропозиции медиатексты не могут быть критически оценены, они порождают и укореняют когнитивные искажения. Наиболее часто нарушается максима способа выражения. Намеренное, но дозированное несоблюдение принципа кооперации способствует манипуляции сознанием читателей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 235-240. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Богатырёва Н. А., Ноздрин Л. А. Стилистика современного немецкого языка (Stilistik der deutschen Gegenwartssprache): учеб. пособие. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Академия, 2008. 338 с.
2. Водина Н. С., Иванова А. Ю., Клюев В. С. и др. Культура устной и письменной речи делового человека: справочник-практикум. М.: Флинта; Наука, 2008. 315 с.
3. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка (на английском языке): учебник. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977. 332 с.
4. Казарина М. А. Грамматические типы текстов деловой письменной речи: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2011. 24 с.
5. Логман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука; Азбука – Аттикус, 2016. 704 с.
6. Ноздрин Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
7. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Изд-е 2-е, испр. М.: АСТ; Астрель, 2000. 224 с.
8. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика: учеб. пособие. Изд-е 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 144 с.
9. Duden. Briefe gut und richtig schreiben! Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2006. 955 S.
10. <http://master-rezume.com/soprovoditelnoe-pismo-k-rezyume> (дата обращения: 12.04.2015).
11. <http://web-resume.com.ua/obrazets-soprovoditelnogo-pisma-perevodchika> (дата обращения: 23.04.2015).
12. <http://web-resume.com.ua/obrazets-soprovoditelnogo-pisma-studenta> (дата обращения: 23.04.2015).
13. http://www.znanie.info/_portal/ec/2-cov.pdf (дата обращения: 23.04.2015).
14. <https://bewerbung.co/berufe/bewerbung-als-friseurin-friseur> (дата обращения: 23.04.2015).
15. <https://bewerbung.net/berufe/bankkaufmann/> (дата обращения: 23.04.2015).
16. <https://www.landschaftsgaertner.com/bewerbung.aspx> (дата обращения: 23.04.2015).
17. <https://www.thebalancecareers.com/free-cover-letter-examples-and-writing-tips-2060208> (дата обращения: 23.04.2015).

COVER LETTER IN CURRICULUM VITAE: EXTENSION OF OFFICIAL BUSINESS LETTER NORMS

Levchenko Marina Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
 Zakharova Mariya Yur'evna, Ph. D. in Philology
 Moscow Region State University
 prof_levchenko@mail.ru; delehrerin@mail.ru

The article deals with the part of the texts of the curriculum vitae, which includes cover letters. It is ascertained that the existence of different assessments of the role of cover letter texts in the society is of practical interest both to specialists in the field of textual linguistics and from the perspective of applied linguistics, for example, when writing texts of cover letters for various formats of curriculum vitae. Using contrastive-descriptive and typological methods of linguistic analysis, the authors of the article prove the correlation of the grammatical characteristics of the studied type of the text with such genre characteristics as formality, brevity, individualisation, pragmatism and accuracy. The results of the work confirm the unique peculiarities of this type of the text bringing it closer to the fiction text and extending the boundaries of understanding the norms of the official business letter.

Key words and phrases: cover letter; grammar; textual categories; genre characteristics; correlation of characteristics.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 27.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.50>

Цель статьи заключается в выявлении дезинформации в медиатексте. Научная новизна состоит в применении прагматического анализа к медиатекстам, содержащим элементы дезинформации, так как они нарушают принцип кооперации. Полученные результаты показали, что при нарушении максим Г. П. Грайса в пропозиции медиатексты не могут быть критически оценены, они порождают и укореняют когнитивные искажения. Наиболее часто нарушается максима способа выражения. Намеренное, но дозированное несоблюдение принципа кооперации способствует манипуляции сознанием читателей.

Ключевые слова и фразы: дезинформация; манипуляция; медиатекст; принцип кооперации; максимы Г. П. Грайса; прагматически маркированная лексема.

Самкова Мария Андреевна, к. филол. н.
 Челябинский государственный университет
 degi@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЗИНФОРМАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Глобализация оказывает значительное влияние на информационные процессы. Прослеживается образование единого мирового информационного пространства. Будучи основным источником формирования общественного мнения, средства массовой информации способны как стабилизировать, так и разбалансировать обстановку.

Принимая во внимание положительные стороны глобализационных процессов в мировых СМИ, такие как высокая степень осведомленности и увеличение объема межкультурного общения, следует отметить социокультурные опасности, которые несет в себе влияние средств массовой информации на общественное сознание.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения дезинформации как одного из главных механизмов стереотипизации и создания отрицательной установки по отношению к определенным людям или событиям, что приводит к неспособности общества принимать ответственные политические решения. Регуляция модуса страха в обществе осуществляется за счет постоянных сообщений об угрозах и является причиной неадекватной реакции: пассивности, отсутствия сострадания, безразличия. Таким образом, общество становится зависимым от посредника, который представляет информацию, чем и обоснована релевантность настоящего исследования.

В данной статье мы анализируем медиатексты, которые укоренили концепт “Russian hacker” (русский/российский хакер) в массовом сознании и растиражировали отрицательные стереотипы о России. Стереотипизации способствует дезинформация. Медиатексты с дезинформирующими элементами нарушают принцип кооперации, следовательно, возникает необходимость применить прагмалингвистический анализ. **Научная новизна** заключается в проведении данного вида анализа и выявлении специфики реализации прагмалингвистического принципа – принципа кооперации.

Практическая значимость обусловлена тем, что результаты анализа могут быть использованы факчекинговыми ресурсами и в процессе обучения медиаграмотности.

Цель данной статьи – определить элементы дезинформации в медиатексте, руководствуясь прагматическим критерием. Целью обусловлены основные **задачи**:

- 1) дать определение понятию «дезинформация»;
- 2) провести лингвопрагматический анализ дезинформирующих медиатекстов;
- 3) выявить фактологически неточные сведения;
- 4) определить, соблюдается или нарушается принцип кооперации, и каким образом.

Для достижения поставленной цели мы применяем **метод** прагмалингвистического анализа. Прагматический аспект настоящего исследования заключается в изучении коммуникативного намерения авторов медиатекста. Мы выявили, что в дезинформирующем медиатексте с целью манипуляции нарушается принцип кооперации Г. П. Грайса, который включает в себя максимы количества, качества, отношения (релевантности) и способа (манеры) выражения [8, р. 47]. Согласно максиме количества, высказывание должно содержать столько информации, сколько требуется (не меньше и не больше). Смысл максимы качества заключается в том, чтобы не сообщать того, что говорящий считает ложным и для чего нет достаточных оснований. Максима отношения (релевантности) подразумевает соответствие высказывания теме сообщения. Максима способа (манеры) выражения означает, что следует избегать неоднозначности и ненужного многословия. Использование обобщающих слов в изучаемых медиатекстах противоречит максиме количества, максиме способа (манеры), которая исключает неясность текста, а также максиме качества, так как неясное высказывание обобщенного характера может являться неправдивым.

Помимо этого, мы охарактеризуем выявленные лексические маркеры манипуляции, нарушающие принцип кооперации Г. П. Грайса. Вследствие того, что медиатекст как информационный продукт имеет целью формирование мнения, единицами выступают прагматически значимые лексемы. Именно эти лексемы, образуя эмоциональный фон текста, создают эффект внушения – некритического восприятия и усвоения информации.

В ходе анализа мы руководствуемся прагматическим критерием, на основании которого производится оценка дезинформирующих элементов медиатекста, нарушивших принцип кооперации, и выявляется прагматически маркированная лексика, посредством которой совершается манипуляция.

Материалом являются медиатексты № 1 “Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research” [10]. / *Россия разработала кибероружие, которое способно вывести из строя электроэнергетические системы, как указано в новом исследовании* (здесь и далее перевод автора статьи – М. С.) и № 2 “Russian hackers penetrated U.S. electricity grid through a utility in Vermont, U.S. officials say” [4]. / *Российские хакеры проникли в электроэнергетическую систему США через электростанцию в Вермонте, как говорят представители органов государственной власти США*.

Медиатексты размещены на сайте ежедневной американской газеты The Washington Post («Вашингтон пост»), которая задает направление новостного контента и оказывает влияние на общественное мнение в США. Публикуемые в данном издании новости актуальны и заведомо популярны, так как 1) журналисты данной газеты посещают брифинги для прессы в Белом доме, следовательно, обладают оперативной информацией; 2) новости из данной газеты заимствуются менее влиятельными газетами, перепечатываются и публикуются, что создает широкую растиражированность и массовость.

После избрания Дональда Трампа президентом США брифинги стали проводиться реже. Из-за снижения уровня информационной открытости средства массовой информации, в том числе «Вашингтон пост», стали чаще размещать информацию со ссылкой на анонимные источники. В исследуемом медиатексте № 1 автор ссылается на мнение пяти экспертов (Серджио Кальтаджироне, директора отдела разведки угроз компании Dragos; Роберта М. Ли, исполнительного директора Dragos; Дэна Гюнтера, старшего «охотника за угрозами» в Dragos; Джона Хальквиста, директора разведывательного управления компании FireEye; Майкла Дж. Ассанте, бывшего главного офицера службы безопасности Северной Америки); в медиатексте № 2 упоминается

только одно имя – имя украинского президента Петра Порошенко. Высказывание президента о кибератаках на Украине имеет косвенное отношение к содержанию медиатекста, который посвящен кибератакам в США.

В остальных случаях авторы приводят точки зрения официальных лиц США, которые предпочли остаться анонимными. Ссылаясь на конкретных экспертов, авторы используют глаголы и выражения полагания (to believe – считать, to be not sure – не быть уверенным). Ссылки на анонимные источники – это неполная информация, достоверность которой не может быть проверена. Говоря о связи хакеров с российским правительством, авторы медиатекстов используют глагол донесения информации to say – сказать и глагол, обозначающий логический вывод и умозаключение, to conclude – прийти к выводу.

Основным источником, на который ссылается автор анализируемого медиатекста № 1, послужило исследование компаний Dragos и iSightPartners, которые занимаются вопросами кибербезопасности. Другими источниками выступают опубликованные ранее в «Вашингтон пост» медиатексты на близкие темы и мнения представителей власти США.

Аргументы, опровергающие заявленную в медиатекстах информацию о связи хакеров с российским правительством, предоставлены экспертами телеканала RT на сайте Fakecheck [6] и в журнале Forbes [9]. Медиатекст № 2 в более поздней версии включает заметку редактора, что ранняя версия некорректно утверждала, что российские хакеры проникли в электроэнергетическую систему США. В заметке редактора указано: «Власти говорят, что пока нет никаких подтверждений. Взломанный компьютер в Берлингтон Электрик не был подключен к электроэнергетической сети» [5]. Таким образом, есть все основания изучать медиатексты № 1 и № 2 как тексты, которые содержат дезинформацию.

В теоретическом плане дезинформация рассматривается в структуре социально-психологического знания, политического дискурса и лингвистики лжи. Рассмотрим основное понятие, определяющее объект исследования. Под дезинформацией понимается «(преднамеренное) введение одним из субъектов в заблуждение другого субъекта путем целенаправленного доведения до него (заведомо) ложной информации» [3, с. 11]. Добавим, что дезинформация чаще всего направлена на не критическое восприятие, чему способствуют ссылки на высокоавторитетные источники и на медиатексты схожей тематики. Анализируемые нами медиатексты носят дезинформирующий характер, так как они фактологически неточные: медиатекст № 1 предоставляет сведения о кибероружии России со ссылкой на исследование, в котором сведения о принадлежности к определенной стране отсутствуют, медиатекст № 2 содержит неподтвержденную информацию и не указывает имена источников. Однако невозможно однозначно утверждать о преднамеренности авторов медиатекстов дезинформировать, даже учитывая то, что цель СМИ – формирование общественного мнения.

По утверждению ряда ученых (Н. Грант, Р. Р. Гарифуллин, А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов), дезинформация – это искаженная информация, которая соответствует эмоциональному настрою реципиента и формирует индивидуальное и общественное мнение. В исследуемых медиатекстах искажен тот факт, что Россия атаковала электроэнергетическую систему США. Если учесть, что медиатексту № 1 предшествовали как минимум 34 медиатекста, опубликованные в «Вашингтон пост» за период с 2014 по 2017 гг., в которых актуализируется концепт “Russian hacker” (русский/российский хакер), то мы можем заключить, что дезинформирующий текст согласован с общим отрицательным эмоциональным фоном. Дезинформация в сочетании с правдивой (фактологически точной) информацией создает эффект правдоподобности. Таким образом, анализируемые медиатексты содержат элементы дезинформации, и необходимо применить комплекс методик к их исследованию.

В медиатексте выражается коммуникативная интенция представителя СМИ, ориентированного на новизну и сенсационность. В ранее опубликованных медиатекстах освещались хакерские атаки на выборы и работу правительственных сетей, например, на электронную почту Джона Подесты, на сеть Национального комитета демократической партии. Анализируемые нами медиатексты постоянно освещают актуальную проблему – кибероружие и хакерскую атаку на электроэнергетические сети США. Данная проблема затрагивает интересы массовой аудитории. Следовательно, такой вопрос вызовет большой эмоциональный отклик, что подтверждается количеством комментариев – 731 для медиатекста № 1 и 9209 для медиатекста № 2. В среднем на каждую статью, в которой актуализируется концепт «русский/российский хакер», приходится 1780 комментариев.

Нарушение принципа кооперации Г. П. Грайса в дезинформирующих медиатекстах

Прагматика помогает ответить на вопрос о том, как автор создает медиатекст, вводит дезинформацию применительно к своим задачам, а реципиенты интерпретируют этот текст и поддаются манипуляции. О ложности высказывания может свидетельствовать нарушение принципа кооперации Г. П. Грайса. В анализируемых нами медиатекстах находится дезинформация: в заголовке медиатекста № 1 указано: “Russia has developed a **cyberweapon** that can **disrupt** power grids...” [10]. / *Россия разработала кибероружие, которое способно вывести из строя электроэнергетические системы...* Связь хакеров с российским правительством упоминается в первом абзаце: “**Hackers allied with the Russian government**” [Ibidem]. / *Хакеры связаны с российским правительством*, – со ссылкой на новое исследование. В опубликованном отчете по данному исследованию нет упоминаний, что такое кибероружие разработано Россией и российским правительством. В медиатексте отсутствует прямая ссылка на источник, утверждающий причастность России. Медиатекст обладает невысокой степенью информативности за счет большого количества повторов (407 из 1017 слов) и 3 ссылок на медиатексты, размещенные на сайте «Вашингтон пост» ранее. Повторы и ссылки усиливают и закрепляют манипулятивный эффект: “**Russian hackers** suspected in **attack** that blacked out parts of Ukraine” [Ibidem]. / *Российские хакеры подозреваются в атаке, в результате которой прекратилось электроснабжение на Украине*. В медиатексте № 1 тематически объединены понятия «хакер» и «российское

правительство». Вначале приводится высказывание “Hackers allied with the Russian government” [Ibidem]. / *Хакеры связаны с российским правительством*, в следующем абзаце находится словосочетание “Russian hackers” (российские хакеры) и в последующем – данные понятия полностью сращены “Russian government hackers” (*хакеры российского правительства*). Таким образом, реципиент приходит к ложному умозаключению о том, что российское правительство нанимает хакеров для «воздействия на энергетические и вспомогательные системы США». Слияние понятий «российское правительство» и «хакеры» трансформирует информацию таким образом, что она поддерживает уже сложившееся в средствах массовой информации представление о связи хакеров и России. Впоследствии данные словосочетания повторяются пять раз.

В медиатексте № 2 словосочетания с лексемой “Russian” в основе менее частотны: Russian hackers (российские хакеры), Russian hacking (российская хакерская атака), Russian operation (российская операция). Повторы, в том числе однокоренных лексем, и синонимичные повторы способствуют запоминанию дезинформации и нарушают максимум количества, так как избыток повторов делает текст неинформативным.

Нарушение максимы качества выявляется, например, в следующем высказывании: “U.S. government officials have not officially attributed that attack to the Russian government, but **some** privately say they concur with the private-sector analysis” [4]. / *Представители органов власти США официально не относят атаку к действиям российского правительства, но некоторые конфиденциально говорят, что они разделяют мнение с исследованием частных компаний*. Местоимение “some” (некоторые) не обозначает определенное число говорящих. Автор не упоминает имен и не ссылается на конкретных людей. Неопределенность высказыванию добавляет слово “privately” (конфиденциально, негласно, частным образом). Данное предложение имеет обобщенный характер и низкую степень информативности, что также вносит неясность и создает контекст, который неправильно интерпретируется читателями.

Неподтвержденная информация находится в лид-абзаце медиатекста № 2: “A code **associated with** the Russian hacking operation dubbed Grizzly Steppe by the Obama administration has been detected within the system of a Vermont utility” [Ibidem]. / *Код, ассоциирующийся с российской хакерской операцией, названный администрацией Обамы «Гризли Степп», был обнаружен в системе энергетической компании Вермонта*. Во-первых, данная информация была опровергнута редактором. Во-вторых, лексема “associated” (ассоциирующийся) подразумевает связь, но не уточняет, какого рода. Следовательно, информация неточная. Вероятно, данная лексема используется авторами для того, чтобы избежать однозначности выражения.

Не соблюдается в медиатексте максима способа (манеры) выражения: неоднозначность высказывания обусловлена использованием разных модальных глаголов. Модальные глаголы “can”, “could”, “may” выражают возможность и вероятность. В заголовке “Russia has developed a cyberweapon that **can** disrupt power grids, according to new research” [Ibidem]. / *Россия разработала кибероружие, которое способно вывести из строя электроэнергетические системы, как указано в новом исследовании* используется модальный глагол “can”, обозначающий способность и/или возможность. Приводится высказывание одного из экспертов “But with modifications, it **could** be deployed against U.S. electric transmission and distribution systems to devastating effect” [Ibidem]. / *Но с доработками, оно могло бы быть использовано против американских систем передачи и распределения электроэнергии*, в котором модальный глагол “could” обозначает меньшую вероятность и степень уверенности эксперта. Таким образом, использование модального глагола “can” в заголовке придает высказыванию большую убедительность, следовательно, важность события повысит интерес и конверсию данной страницы сайта.

В медиатексте № 2 авторы прибегают к использованию модальных глаголов, будучи неуверенными в высказывании: “The penetration **may** have been designed to disrupt the utility’s operations or as a test by the Russians to see whether they **could** penetrate a portion of the grid” [Ibidem]. / *Проникновение, возможно, было разработано, чтобы нарушить деятельность энергетической компании или, возможно, в качестве пробной попытки русских проникнуть в электроэнергетическую систему частично*. Однако в начале предложения авторы пишут, что американские должностные лица утверждают, что они еще не уверены: “American officials... said they are not **yet** sure” [Ibidem]. / *Американские должностные лица утверждают, что они еще не уверены*. Наличие наречия “yet” предполагает, что ситуация может вскоре измениться. Это повышает степень доверия к указанной информации.

Наконец, в медиатекстах, опубликованных с 2014 по 2017 годы, используется слово “hacking” (хакерская атака) в сочетании с “the Russian government” (российское правительство). В текстах, датированных 2018 годом, используется эвфемизм, а именно, индивидуальная контекстная замена – слово “meddling” (вмешательство). Мы полагаем, что последнее используется для смягчения пропозиции. Однако толкование данного слова не предполагает нелегальную деятельность – хакерские атаки, в которых изначально обвинялось российское правительство. Имея разные определения, слова “hacking” и “meddling” взаимозаменяемы в исследуемых медиатекстах, следовательно, могут быть интерпретированы неверно. Взаимозаменяемость разных по смыслу понятий – это нарушение максимы способа (манеры) выражения.

Прагматически маркированные единицы, которые указывают на нарушение максим, это:

- 1) полные или вариативные повторы;
- 2) маркеры обобщения, характеризующиеся низкой информативностью;
- 3) слова с негативной коннотацией.

Маркеры находятся в дезинформирующем контексте и относятся к определенным тематическим группам (Таблица 1).

Таблица 1. Тематические группы прагматически маркированных лексем медиатекстов “Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research” [10] и “Russian hackers penetrated U.S. electricity grid through a utility in Vermont, U.S. officials say” [4]

Хакерство	Разрушение	Исследование
malware (18), hacker (10), Crash Override (5), cybersecurity (4), hack (4), Electrum (3), Grizzly Steppe (3), cyberweapon (2), Sandworm (2)	disrupt (10), attack (8), attacker (4), blackout (3), destroy (2), disruption (2), penetrate (2), disruptive (1), devastating (1)	researcher (4), report (4), research (3), expert (3), analysis (2), analyze (1)
Государство	Россия	Электроэнергетическая система
official (12), government (8)	Russian (14), Russians (4), Russia (2)	grid (10), utility (9), Vermont (4), electrical (3)

Наиболее частотные прагматически маркированные лексемы расположены в начале списка. Значение, указанное в скобках, – это количество появлений определенной лексемы в медиатексте.

Максима отношения (релевантности) нарушается в медиатексте № 1, потому что автор цитирует исследование “Crashoverride. Analysis of the Threat to Electric Grid Operations” / *Анализ угрозы деятельности электрических сетей*, в котором нет указаний на причастность России.

Мы выявили, что способ языкового выражения в медиатекстах нарушает основные максимы Г. П. Грайса и сводит сообщаемое к одному лишь возможному варианту прочтения. Намеренное дозированное несоблюдение принципа кооперации Г. П. Грайса позволяет реализовать манипулирование сознанием читателей.

Выводы

Определение понятия «дезинформация» мы выявили на основе дефиниций из отечественных словарей и выводов из работ таких исследователей, как Н. Грант, Р. Р. Гарифуллин, А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов [1; 2; 7]. Проведенный анализ позволил дополнить определение следующими элементами: под дезинформацией мы понимаем сведения, имеющие несколько из перечисленных характеристик: ложные, неточные, неоднозначные, неинформативные, нерелевантные и направленные на некритическое усвоение, оправдывающие отрицательные установки общества-реципиента.

Фактологически неточными в анализируемых медиатекстах являются сведения о кибератаке России на электроэнергетическую систему США. Фактологическую точность можно проверить на фактчекинговых ресурсах.

Прагмалингвистический анализ доказал, что дезинформирующий медиатекст содержит пропозицию, нарушающую максимы принципа кооперации, часто подтверждая предубеждения, которые не могут быть критически оценены из-за неясности, двусмысленности, неопределенности, обобщения, нерелевантности, избытия повторений, как следствие, низкой информативности.

К способам передачи дезинформации и манипуляции в медиатексте относятся: эвфемизмы и слова, имплицитно подразумевающие неясность, как инструменты эпистемической модальности, сигнализирующие о степени уверенности/неуверенности автора в пропозиции; родовые понятия и обобщенные слова; средства выражения, рассчитанные на эффект драматизирующего воздействия; манипуляция цифрами и фактами; ссылки на анонимный авторитетный источник; гиперссылки на статьи схожей тематики, повышающие тиражирование. Ведомые желанием поделиться сенсационной новостью, читатели копируют записи к себе на страницу в социальной сети, прочитав лишь заголовок. Привлекательный заголовок обладает манипулятивным потенциалом, который способствует самовоспроизводству дезинформации и ее проникновению в информационное поле и влиянию на общественное сознание. В дезинформирующих медиатекстах повторяется обобщенная и негативно окрашенная информация, которая соответствует ожиданиям реципиентов, впоследствии влияет на их суждения и решения.

Список источников

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. Изд-е 2-е. СПб.: Питер, 2006. 526 с.
2. Гарифуллин Р. Р. Психология политического блефа [Электронный ресурс]. URL: <http://kitap.net.ru/garifullin/4.php> (дата обращения: 26.03.2019).
3. Красников М. А. Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: автореф. дисс. ... к. психол. н. М., 2006. 24 с.
4. Eilperin J., Entous A. Russian hackers penetrated U.S. electricity grid through a utility in Vermont, U.S. officials say [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2016. 30 December. URL: http://web.archive.org/web/20161231011622/https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-hackers-penetrated-us-electricity-grid-through-a-utility-in-vermont/2016/12/30/8fc90cc4-ceec-11e6-b8a2-8c2a61b0436f_story.html (дата обращения: 26.03.2019).
5. Eilperin J., Entous A. Russian operation hacked a Vermont utility, showing risk to U.S. electrical grid security, officials say [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2016. 31 December. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-hackers-penetrated-us-electricity-grid-through-a-utility-in-vermont/2016/12/30/8fc90cc4-ceec-11e6-b8a2-8c2a61b0436f_story.html?noredirect=on&utm_term=.d8851d5fe3 (дата обращения: 26.03.2019).

6. **Fakecheck** [Электронный ресурс]. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (дата обращения: 26.03.2019).
7. **Grant N.** Disinformation // National Review. 1960. Vol. 9. P. 41-48.
8. **Grice H. P.** Logic and conversation // Studies in Syntax and Semantics III: Speech Acts. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41-58.
9. **Leetaru K.** "Fake News" and How The Washington Post Rewrote Its Story on Russian Hacking of the Power Grid [Электронный ресурс] // Forbes. 2017. 1 January. URL: <https://www.forbes.com/sites/kalevleetaru/2017/01/01/fake-news-and-how-the-washington-post-rewrote-its-story-on-russian-hacking-of-the-power-grid/#153f8ed97ad5> (дата обращения: 26.03.2019).
10. **Nakashima E.** Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2017. 12 June. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (дата обращения: 26.03.2019).

PRAGMATIC ASPECT OF DISINFORMATION IN THE MEDIA TEXT

Samkova Mariya Andreevna, Ph. D. in Philology
Chelyabinsk State University
degi_@mail.ru

The article aims to identify disinformation in the media text. Scientific originality of the study involves the application of the pragma-linguistic analysis to the media texts containing the elements of disinformation because they violate the cooperative principle. The findings indicate that the media texts violating H. P. Grice's maxims in proposition can't be critically evaluated, they cause and implant cognitive distortions. The maxim of the manner is most frequently violated. Deliberate but apportioned violation of the cooperative principle helps to manipulate readers' consciousness.

Key words and phrases: disinformation; manipulation; media text; cooperative principle; H. P. Grice's maxims; pragmatically marked lexeme.

УДК 80

Дата поступления рукописи: 03.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.51>

Настоящее исследование направлено на сопоставительное изучение функционирования сказочной аллюзии в речи носителей русского и американского английского языков. Целью работы являются рассмотрение национально специфических компонентов когнитивной структуры аллюзии с компонентом «Золушка» (Cinderella) и описание особенностей языковой картины мира, влияющих на кодирование и декодирование образа. Проанализированные в статье фреймы и суб-фреймы, составляющие структуру данной аллюзии, обнаружили различную ассоциативные связи, актуализируемые при ее использовании, и, соответственно, различную мотивацию употребления аллюзии, основанной на этом сравнении.

Ключевые слова и фразы: сказочная аллюзия; языковая картина мира; когнитивная модель; когнитивный контекст; фрейм.

Селиверстова Оксана Александровна, к. филол. н.
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
oxana33@list.ru

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА СКАЗОЧНОЙ АЛЛЮЗИИ С КОМПОНЕНТОМ «ЗОЛУШКА» (CINDERELLA): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО ПОДХОДА

В настоящее время значительное внимание ученых направлено на исследование картины мира различных народов, при этом особый интерес представляет собой когнитивная картина мира как «совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой» [8, с. 37]. Сказка представляет собой особый феномен культуры и «является мировоззрением, отражающим взгляд на мир через призму определённой системы ценностей, верований, обычаев» [1, с. 294]. Наш интерес к сказочной аллюзии как «закодированному» образу обусловлен как теоретическими, так и прагматическими соображениями. Не вызывает сомнения тот факт, что языковое сознание как коллективное сознание определенного лингвокультурного сообщества являет себя и доступно наблюдению лишь тогда, когда опосредуется конкретной языковой личностью в ее деятельности (прежде всего речевой) [5]. По-своему преломляя в сознании сюжеты общеизвестных сказок и образов сказочных героев в зависимости от аксиологических установок и картины мира, носители различных языков используют аллюзию для кодирования разных участков опыта и разных концептов, актуализируя при этом разные ассоциативные связи.

Целью настоящего исследования является выявление универсальных и национально-специфических компонентов когнитивной структуры сказочных аллюзий, основанных на имени сказочного героя. Достижение заявленной цели предполагает последовательное выполнение следующих исследовательских задач: 1) составление на основе НКРЯ и "СОСА" конкордансов, включающих все словоупотребления аллюзии